

Бондаренко Юлия Владимировна

преподаватель кафедры социальной работы
и социального права
Ставропольского филиала
Российского государственного
социального университета
тел.: (8652) 77-87-86

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ: КОНТЕКСТ ПРИМЕНЕНИЯ В СОЦИОЛОГИИ СРЕДНЕГО УРОВНЯ

Аннотация:

В статье рассматривается состояние современной социально-сетевой теории и возможности ее применения к анализу социальных общностей, групп, организаций, категорий населения, в частности малоимущих граждан. Выявлены тенденции, отражающие основные направления сетевых исследований в отечественной социологии. Показано, что имеющиеся наработки социально-сетевой теории и методологии могут быть эффективно использованы в социологии среднего уровня.

Ключевые слова:

информационное общество, социальная сеть, сетевое общество, слабые связи, сильные связи, дружеские связи, родственные связи.

Bondarenko Julia Vladimirovna

Lecturer of the Social Work
and Social Rights Chair,
Stavropol branch of
the Russian State
Social University
tel.: (8652) 77-87-86

SOCIAL NETWORKS: APPLICATION CONTEXT IN AVERAGE LEVEL SOCIOLOGY

Summary:

The article considers condition of the modern social network theory and potentials of its application to the analysis of social communities, groups, organizations, population categories, specifically low-income citizens. The author registers tendencies of the basic directions of network researches in national sociology, and demonstrates that available groundwork of the social network theory and methodology may be effectively employed in average level sociology.

Keywords:

informational society, social network, network society, weak communications, strong communications, friendly relations, kinship.

Исследуя возможность применения сетевой методологии к феноменам мезоуровня социума, в частности, к категории малоимущих граждан, мы предварительно проанализировали состояние социально-сетевой теории в современной российской социологии. Проведенный анализ позволил нам зафиксировать ряд наблюдений и сделать некоторые обобщения. При этом мы хотели бы отметить, что речь идет пока, в общем, как о реальных, так и о виртуальных сетях.

Первое обобщение касается общей идеи, которая рефреном проходит через все изученные нами публикации. Суть ее состоит в том, что на смену обществу, в котором основную роль играли институализированные, иерархизированные структуры, пришел социум с сетевой организацией общественной жизни, в котором возрастает роль сетевых коммуникаций, в том числе, неинституциональных. Сетевые принципы стали использоваться в анализе общества в целом, а само современное общество стало обозначаться как постиндустриальное, информационное, сетевое. Р.Н. Абрамов, проводит глубокий анализа теории М. Кастельса, посвященной мировой культурной, социальной и экономической ситуации в период вхождения человечества в новую эпоху, которую последний называл «информационной». Согласно М. Кастельсу, – пишет Р.Н. Абрамов, – переход человеческого общества в информационную эпоху «основан на революции в информационных технологиях, которая в 1970-х гг. заложила фундамент для новой технологической системы, получившей распространение по всему миру. Одновременно с изменениями в материальной технологии революционные изменения претерпели социальная и экономическая структуры: относительно жесткие и вертикально ориентированные институты замещаются гибкими и горизонтально ориентированными сетями, через которые осуществляется власть и обмен ресурсами» [1, с. 134]. Те трансформации, которые переживает современный мир, связаны с технологиями обработки информации и с коммуникацией.

И.Г. Пригожин пишет: «Никто не планировал сетевое общество и взрыв информации; это примечательный случай стихийного возникновения новых форм общества. Комплексность, кроме того, – ключевая черта структур, далеких от равновесия. Сетевое общество, конечно, структура неравновесная, возникшая в результате недавних процессов в информационной технике» [2, с. 83].

Таким образом, мы можем констатировать, что глобальное сетевое общество, равно как и сетевизация любого локального общества детерминированы бурным развитием информационных технологий и коммуникаций. Эта констатация дает нам возможность показать один из

уровней осмысления сетевых процессов в современном мире, но мало что дает для понимания сетевых отношений в среде малоимущих граждан. Несомненно, что какая-то часть малоимущих имеет доступ к сети Интернет, занимается поиском работы, общением, обменом информацией, однако для большинства этот вид социальных сетей – виртуальных, не является сетью поддержки или сетью развития.

Этот аспект проблемы сетевого общества, скорее, пригоден для осмысления политических проблем международного характера.

А вот в статье Н. Динелло «От плана к клану» представлен общий эскиз замены иерархических (вертикальных) сильных сетей горизонтальными сетями в обществах переходного, пост-социалистического типа. «Ослабление значения «сильных связей», – пишет Н. Динелло, – как неизбежная плата за сопричастность к современности не означает обреченности на их полную утрату. Причиной тому – горизонтальные сети. Такие сети гражданского действия, как ассоциации по месту жительства, многие религиозные и иные сообщества, связанные единой территорией и длительным совместным времяпрепровождением их членов, основываются на достаточно близких, подобных родственным («сильных»), связях» [3].

В статье содержится важная мысль о том, что сосуществование вертикальных и горизонтальных сетей дает возможность органического сочетания «сильных» и «слабых» связей; повышается адаптивность сетей, что выражается в большей восприимчивости к новациям и возможности относительно независимых изменений; сочетание личных и обезличенных отношений в целом обеспечивает больше свободы и ответственности индивидуумов. Эти положения как раз имеют существенное значение для анализа социальных сетей малоимущих граждан. Во-первых, можно рассмотреть соседские и иные сообщества малоимущих, где сети длительны по времени и устойчивы, что делает отношения и связи близкими по-родственному, а следовательно «сильными». Во-вторых, можно проследить, как корреляция «сильных» и «слабых» связей в сетях повышает их адаптивность и восприимчивость к инновациям.

Н.В. Романовский и А.Д. Мальцева в своей работе анализируют соотношение сетевой теории или «реляционной социологии» (от англ. “relation” – отношение, зависимость, касательство, связь) и теория «актор-сеть». Охарактеризовав историю и современное состояние данных теорий, проведя их сравнение, они сделали вывод: «1. Налицо новое прочтение онтологии социального – выраженный сдвиг от действия к интеракциям (взаимодействиям), связям, отношениям. 2. Предложена метафора описания «общества» или «социального» – словами *сеть, сетевое*. 3. Перед нами еще одна попытка преодолеть давнюю дихотомию социологии (природа – человек, актер – культура, актер – сеть, личность – структура и т.д.), на этот раз не путем уточнения, сближения полюсов этой дихотомии, а путем объявления ее единой, цельной» [4, с. 31]. Таким образом, идея о современном мире как пространстве интеракций заключена в большинстве исследований, посвященных тем или иным аспектам применимости теории и методологии социальных сетей к различным уровням социума.

Вторая часть характеризующей нами идеи заключается в утверждении об изменении современного пространственно-временного континуума, что также связано с информатизацией общества и виртуализацией социальных связей. Идея эта также исходит от М. Кастельса и в различных интерпретациях дается в отечественной научной литературе. Суть ее такова: в информационном обществе традиционные время и пространство изменяются. В Средние века время носило событийный характер: существовало время дня, время ночи, время праздников и время буден. Точное измерение времени стало потребностью буржуазии в период промышленных революций, так как со временем была связана прибыль и время стало своего рода экономическим ресурсом. Ссылаясь на М. Кастельса, Р.Н. Абрамов пишет: «Однако грядущая эпоха может изменить восприятие времени: «линейное, необратимое, предсказуемое время дробится на куски в сетевом обществе». Новая концепция темпоральности, предложенная М. Кастельсом, носит название вневременного времени. Вневременное время означает, что на смену измерения времени приходят манипуляции со временем. Эти манипуляции необходимы для того, чтобы сделать реальной «свободу» капитала от времени и избавление культуры от часов». Освобождение глобального общества от временной зависимости ускоряется «новыми информационными технологиями и встроено в структуру сетевого общества» [5, с. 139]. Таким образом, социальные сети можно интерпретировать в терминах потоков времени и манипулирования временем в пространстве.

Второе из сделанных нами обобщений: в научной литературе, касающейся социальных сетей в различных аспектах, можно выделить несколько групп работ, которые сохраняют и развивают ту основную идею, которая нами описана выше, а именно идею сетевизации социальным пространством разного уровня.

Во-первых, это исследования, ориентированные на рассмотрение современного глобального мира как сетевого общества. Так, ряд ученых в своих коллективных трудах ведет речь о сетевой модели мировой политико-экономической системы [6]. Они утверждают, что на сегодняшний день в мире существует три базовых модели глобализации. «Согласно первой из них, глобальная экономика есть своего рода равномерно распределенная по планете сеть экономических и политических взаимосвязей, обеспечивающих всем участникам мирового экономического процесса «равные возможности» и (в идеале) устойчивое развитие» [7, с. 2]. Сторонниками этой модели являются, как правило, ученые и публицисты, придерживающиеся монетаристского взгляда на мировую экономику (М. Фридман и др.). Сторонники второй модели – национально ориентированные интеллектуальные и политические круги стран, не входящих в ОЭСР (А. Зиновьев, У. Чавес и др.), а также для левой интеллигенции стран ОЭСР – видят в глобализации новый механизм господства «золотого миллиарда» над большинством населения планеты.

Более подробно авторы публикаций останавливаются на третьей модели в рамках которой «мировая экономика рассматривается как многоуровневая система, верхний уровень которой составляет сеть так называемых «ворот в глобальный мир» – компактных территорий мегаполисов, соединяющих в себе функции транспортных узлов, финансовых центров, а также центров образования, науки и политического влияния» [8].

Итак, мы определили в результате анализа, что сетевое общество – современное информационное глобальное общество; сетевое сообщество – сеть в Интернете; сетевая организация общества – доминирование сетевых принципов в организации социосистемы.

Во-вторых, мы можем вести речь о научных работах, в которых сетевой анализ применен к макроуровню, а именно к сетевым взаимоотношениям на уровне социальных институтов [9].

В-третьих, анализ литературы дает возможность выделить исследования, в которых социально-сетевая теория применена к мезоуровню социума. В качестве акторов здесь будут выступать коллективные социальные субъекты – группы, организации, категории, общности и т.д. «Анализ социальных сетей используется для исследования и моделирования информационных потоков в сетях, прогнозирования путей развития социальных ситуаций, объяснения специфики исполнения социальных ролей (в том числе и в гендерных исследованиях), анализа процессов социального обмена, изучения структуры социальных организаций и взаимодействий между ними, решения задач социометрии, экономической социологии, социологии массовых коммуникаций и Интернета, истории, политики и международных отношений» [10].

В определении актора сети мы опираемся на позицию, согласно которой «наряду с социальными структурами существуют и социальные «атомы», или единицы социального взаимодействия. Но до сих пор нет единого мнения о том, что, вернее, кто является этой самой неделимой частицей. Разные теории останавливают процесс атомизации на уровне, необходимом для конкретного исследования или концепции. Надо заметить, что «личность» не исчерпывает перечень единиц социального взаимодействия. В данном случае правильнее говорить об «акторе» или «агенте» взаимодействия» [11, с. 8]. Для нас такими акторами или агентами в социальных сетях выступают индивиды, относящиеся к категории малоимущих граждан, а также социальные институты и социальные общности, с которыми граждане образуют социальные сети формального и неформального характера.

Надо отметить, что один из основоположников теории социальных сетей М. Кастельс делал акцент на следующем: «Сетевые структуры воспроизводятся как на внутригородском уровне, так и на уровне отношений между глобальными городами. Сетевая структура не означает распада внутригородской иерархии: в глобальных городах появляются информационно-властные узлы, которые замыкают на себе основные потоки информации, финансовых ресурсов и становятся точками принятия управленческих решений. Между этими узлами курсируют ресурсные потоки, а сами узлы находятся в непрерывной конкуренции между собой. Глобальные узлы сосредоточены в мегаполисах, которые «представляют собой очень большие агломерации людей» [12, с. 339]. Здесь подразумевается, что наличие сетевых структур не означает полной отмены иерархических формальных связей. Так, в ситуации с малоимущими можно зафиксировать как формальные институциональные связи, например, со службами занятости, социальной защиты, так и неформальные связи внутри соседского, дружеского, родственного или иного сообщества

Интересной представляется позиция О.С. Наумовой, которая на примере исследования социальных сетей в локальной территориальной общности показывает, как конкретно применить сетевую методологию к изучению социального субъекта мезоуровня социальной организации. В ходе исследования социальных сетей локальной территориальной общности она поэтапно объясняет, какой следующий шаг необходимо сделать для получения результата. Так, для того, чтобы выделить сети, не связанные напрямую с территориальной локализацией, автором статьи предлагается использовать дополнительные характеристики актора, а именно –

создать его социальный портрет (возраст, род занятий и др.), дать характеристику связей (тип, интенсивность связей и т.д.), типы связей (родственные, дружеские и др.) [13]. Такой подход может быть использован для анализа социальных сетей как малоимущих граждан, так и иных категорий и общностей.

Еще в 1995 г. Е.М. Порецкина и Т. Юркинен-Паккасвирта предприняли удачную, на наш взгляд, попытку исследовать социальные сети в повседневной жизни жителей С. Петербурга. Достоинством их исследовательского проекта выступили то, что в нем очень четко прописана методология исследования [14].

С.Г. Климова использует сетевой подход в рассмотрении самоидентификации россиян в аспекте определения «своих» и «чужих». Она исходила из такого положения: сильно-ресурсные группы и индивиды существенно отличаются в своих «мы» – «они» самоопределениях от слабоборесурсных. Такой аспект анализа связывается с деятельностно-активистским подходом (например, Э. Гидденс, П. Бурдьё. Исследователи полагали, что «социальный ресурс» личности или группы определяется комбинацией их субъектного потенциала или «социального капитала» (по Бурдьё). Эта комбинация включала как естественный ресурс индивида; уровень материального благосостояния; образование и квалификацию; проживание в крупном городе, либо малонаселенном месте и ряд других атрибутов. Выводы исследователя таковы: «Гибкость социальных сетей, основанных на личностном статусе, делает их устойчивыми, позволяя одновременно усваивать, ассимилировать социокультурные образцы других общностей. Высокая значимость личностных отношений в формировании социальных групп означает также, что лидер, занявший высокую статусную позицию, скорее будет продвигать свою «группу поддержки», чем завоевывать авторитет в группе пока "чужих"» [15, с. 39].

Предметом рассмотрения в работе ряда ученых вступает роль социальных сетей в развитии и состоянии современного бизнеса. К. Мёллер, А. Райала рассматривают различные виды сознательно создаваемых деловых сетей (business networks, или nets) и управление ими, утверждая, что эффективное управление различными типами деловых сетей зависит от их базовой логики создания ценности. Они предлагают классификацию из трех универсальных типов систем создания ценности – «сеть существующего бизнеса», «сеть обновления бизнеса» и «сеть нового бизнеса» [16].

С.И. Капица пишет о том, что основным каналом «подбора кадров на предприятиях остаются личные связи, несмотря на активизацию деятельности государственных и негосударственных служб содействия занятости, что свидетельствует о доминировании сетевых взаимодействий над институциональными в пространстве рынка труда» [17, с. 21].

С позицией этих ученых коррелирует точка зрения Н.И. Попова и О.А. Третьяк, которые, признавая значение для современного бизнеса такой процедуры, как управление сетями, делают акцент на координации, выделяя ее идеальные типы – рыночная, иерархическая и интерактивная, которые в практике бизнеса тесно переплетаются [18].

Социальные сети в неформальных практиках образования – часть исследований коррупционных процессов в высшей школе Э.О. Леоновой. «Существенными характеристиками неформальных отношений являются: их имманентность социальному пространству, сетевой характер взаимодействий с преобладанием горизонтальных связей, отсутствие внешних, то есть задаваемых извне иерархий и статусных позиций, а также самоорганизующаяся многоуровневая структура» [19, с. 27].

Следует отметить, что социологические исследования социальных сетей среднего уровня организации социума сопоставимо по обширности с экономическими и политологическими.

И, наконец, *в-четвертых*, социально-сетевая теория применима к микроуровню социума. Во многих исследованиях дается характеристика сетей, в которые включена личность. «Социальные сети, – пишут Е. М. Порецкина и Т. Юркинен-Паккасвирта, – это все те нити взаимоотношений, которые связывают индивида с другими людьми, система социальных сетей образует социальное окружение (среду) индивида» [20, с. 190].

Б. Уэллман изучал место родственников в системе личных связей [21]. Он отмечает, что цель его работы – определить место родственных связей в сети связей личности, осуществления активных контактов с друзьями, соседями и товарищами по работе, с родственниками.

Итак, мы имеем в результате нашего анализа некоторые общие тенденции, выявленные в исследованиях социальных сетей:

- попытки определиться с понятийным аппаратом социально-сетевой теории;
- обращение к теоретикам и практикам социологии, стоявшим у истоков сетевой теории;
- акцентуация междисциплинарности теории и методологии социально-сетевой теории.

С позиции эмпирической методологии можно отметить, что в работах, посвященных мезоуровням социума, применяются качественные и количественные методики.

Ссылки:

1. Абрамов Р.Н. Сетевые структуры и формирование информационного общества // Социс. 2002. № 3. С. 133–141.
2. Пригожин И.Г. Сетевое общество // Социс. 2008. № 1. С. 82–88.
3. Динелло Н. От клана к клану: социальные сети и гражданское общество // Профессионалы за сотрудничество. Ч. 1. М., 1999. URL: www.prof.msu.ru/publ/book3/din.htm (дата обращения: 10.03.2012).
4. Мальцева А.Д., Романовский Н.В. О современных сетевых теориях в социологии // Социс. 2011. № 8. С. 28–37.
5. Абрамов Р. Н. Указ. соч.
6. См., например: Сергеев В.М., Казанцев А.С. Сетевая динамика глобализации и типология «глобальных ворот» // Полис. 2007. № 24. С. 18–31; Алексеенкова Е.С., Сергеев В.М., Кузмин А.С., Москва и Санкт-Петербург как центры притяжения социальных сетей // Полис. 2007. № 24. С. 31–44; Сергеев В.М., Кузмин А.С., Нечаев В.Д., Алексеенкова Е.С. Доверие и пространственное взаимодействие социальных сетей // Полис. 2007. № 2. С. 8–18.
7. Сергеев В.М., Кузмин А.С., Нечаев В.Д., Алексеенкова Е.С. Указ. соч.
8. См. об этом подробно: Сергеев В.М., Кузмин А.С., Нечаев В.Д., Алексеенкова Е.С. Указ. соч.
9. См., например, Агапов П.В., Итиуридзе Л.А. Сетевое политическое управление // Вестник МУ. Серия 18. Социология и политология. 2007. № 4. С. 84–96; Гапич А.Э., Лушников Д.А. Технологии «цветных революций». М., 2010; Радаев В.В. Рынок как объект социологического исследования // Социс. 1999. № 3. С. 28–37; Семенов Н.А. Социальные сети, перспективы и способы развития монетизации. URL: www.seonews.ru/analytics/detail/9035.php (дата обращения: 13.03.2012); Яницкий О. Структура региональных политических сетей // Экологическое движение в России: сб. научных статей. М.; СПб, 1999. Вып. 6.
10. Чураков А.Н. Анализ социальных сетей. URL: <http://www.twirpx.com/file/194725/> (дата обращения: 09.03.2012).
11. Градосельская Г.В. Сетевые измерения в социологии: уч. пособие. М., 2004.
12. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М., 2000.
13. См. об этом: Наумова М.В. Социальные сети в локальной территориальной общности: подходы к исследованию // Регион: экономика и социология. 2007. № 2. С. 113–120.
14. См. об этом: Порецкина Е.М., Юркинен-Паккасвирта Т. Социальные сети и повседневная жизнь жителей С. Петербурга // Мир России. 1995. № 2. С. 190–201.
15. Климова С.Г. Критерии определения групп «мы» и «они» // Социс. 2002. № 6. С. 83–95.
16. См. об этом: Мёллер К., Райала А. Рост стратегических сетей – новые модели создания ценности / пер. с англ.: М.А. Сторчевой // Российский журнал менеджмента. Т. 6. 2008. № 4. С. 113–140.
17. Капица С.И. Формирование механизмов управления социальной адаптацией трудоспособного населения к изменениям современного российского рынка труда: автореф. дисс. ... д-ра соц. наук. СПб., 2009.
18. См. об этом: Попов Н.И., Третьяк О.А. Управление сетями: новые направления исследований // Российский журнал менеджмента. Т. 6. 2008. № 4. С. 75–82.
19. Леонтьева Э.О. Институционализация неформальных практик в сфере высшего образования: автореф. дисс. ... д-ра соц. наук. Хабаровск, 2010.
20. Порецкина Е.М., Юркинен-Паккасвирта Т. Указ. соч.
21. Уэллман Б. Место родственников в системе личных связей / пер. Н.А. Леушкиной, Н.В. Романовского // Социологич. исслед. 2000. № 6. С. 78–87.

References (transliterated):

1. Abramov R.N. Setevye struktury i formirovanie informatsionnogo obshchestva // Sotsis. 2002. № 3. P. 133–141.
2. Prigozhin I.G. Setevoe obshchestvo // Sotsis. 2008. № 1. P. 82–88.
3. Dinello N. Ot klana k klanu: sotsial'nye seti i grazhdanskoe obshchestvo // Professionaly za sotrudnichestvo. Pt. 1. M., 1999. URL: www.prof.msu.ru/publ/book3/din.htm (date of access: 10.03.2012).
4. Mal'tseva A.D., Romanovskiy N.V. O sovremennykh setevykh teoriyakh v sotsiologii // Sotsis. 2011. № 8. P. 28–37.
5. Abramov R. N. Op. cit.
6. See, i.e.: Sergeev V.M., Kazantsev A.S. Setevaya dinamika globalizatsii i tipologiya «global'nykh vorot» // Polis. 2007. № 24. P. 18–31; Alekseenkova E.S., Sergeev V.M., Kuzmin A.S., Moskva i Sankt-Peterburg kak tsentry prityazheniya sotsial'nykh setey // Polis. 2007. № 24. P. 31–44; Sergeev V.M., Kuzmin A.S., Nechaev V.D., Alekseenkova E.S. Doverie i prostranstvennoe vzaimodeystvie sotsial'nykh setey // Polis. 2007. № 2. P. 8–18.
7. Sergeev V.M., Kuzmin A.S., Nechaev V.D., Alekseenkova E.S. Op. cit.
8. See details on this: Sergeev V.M., Kuzmin A.S., Nechaev V.D., Alekseenkova E.S. Op. cit.
9. See, i.e.: Agapov P.V., Itiuridze L.A. Setevoe politicheskoe upravlenie // Vestnik MU. Series 18. Sotsiologiya i politologiya. 2007. № 4. P. 84–96; Gapich A.E., Lushnikov D.A. Tekhnologii «tsvetnykh revolyutsiy». M., 2010; Radaev V.V. Rynok kak ob'ekt sotsiologicheskogo issledovaniya // Sotsis. 1999. № 3. P. 28–37; Semenov N.A. Sotsial'nye seti, perspektivy i sposoby razvitiya monetizatsii. URL: www.seonews.ru/analytics/detail/9035.php (date of access: 13.03.2012); Yanitskiy O. Struktura regional'nykh politicheskikh setey // Ekologicheskoe dvizhenie v Rossii: sb. nauchnykh statey. M.; SPb, 1999. Issue 6.
10. Churakov A.N. Analiz sotsial'nykh setey. URL: <http://www.twirpx.com/file/194725/> (date of access: 09.03.2012).
11. Gradosel'skaya G.V. Setevye izmereniya v sotsiologii: textbook. M., 2004.
12. Kastel's M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura / transl. from Engl. under general ed. of O.I. Shkaratan. M., 2000.
13. See details on this: Naumova M.V. Sotsial'nye seti v lokal'noy territorial'noy obshchnosti: podkhody k issledovaniyu // Region: ekonomika i sotsiologiya. 2007. № 2. P. 113–120.
14. See details on this: Poretskina E.M., Yurkinen-Pakkasvirta T. Sotsial'nye seti i povsednevnyaya zhizn' zhitel'ey S. Peterburga // Mir Rossii. 1995. № 2. P. 190–201.
15. Klimova S.G. Kriterii opredeleniya grupp «my» i «oni» // Sotsis. 2002. № 6. P. 83–95.
16. See details on this: Møller K., Rayala A. Rost strategicheskikh setey – novye modeli sozdaniya tsennosti / transl. from Engl.: M.A. Storchevaya // Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta. Vol. 6. 2008. № 4. P. 113–140.
17. Kapitsa S.I. Formirovanie mekhanizmov upravleniya sotsial'noy adaptatsiyey trudospobnogo naseleniya k izmeneniyam sovremennogo rossiyskogo rynka truda: avtoref. diss. ... d-ra sots. nauk. SPb., 2009.
18. See details on this: Popov N.I., Tretyak O.A. Upravlenie setyami: novye napravleniya issledovaniy // Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta. Vol. 6. 2008. № 4. P. 75–82.
19. Leont'eva E.O. Instiutalizatsiya neformal'nykh praktik v sfere vysshego obrazovaniya: avtoref. diss. ... d-ra sots. nauk. Khabarovsk, 2010.
20. Poretskina E.M., Yurkinen-Pakkasvirta T. Op. cit.
21. Uellman B. Mesto rodstvennikov v sisteme lichnykh svyazey / transl. of N.A. Leushkina, N.V. Romanovskiy // Sotsiologich. issled. 2000. № 6. P. 78–87.